

Анализ повести "Котлован" Платонова (подробно)

Повесть «Котлован» Платонова является одним из самых блестящих, совершенных созданий писателя. Ее замысел относится к осени 1929 г., завершена работа была в апреле 1930 г.

«Котлован» начинается фразой, ставшей за последние годы столь же привычной, как и «В ворота губернского города NN...» или «В каком году — рассчитывай, в какой земле — угадывай...» и многие другие начала, прочно вошедшие в сознание русского читателя. «В день тридцатилетия личной жизни Воцеву дали расчет с небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования. В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда». Как емко и информативен первый абзац — зачин! В нем не только содержится завязка действия, но и подсказан тип героя, близкого автору, — созерцателя, вдумчивого наблюдателя, похожего на Фому Пухова, Александра Дванова. Здесь задан один из конфликтов повести: живого, страдающего человека, обделенного самым необходимым, и общества, которое требует только темпов труда, но не видит личности. Уже чувствуется и негладкий, «неправильный» язык Платонова. В необычном выражении «в день тридцатилетия личной жизни» два последних слова избыточны, но в них ощущается масштаб повествования — не бытовой, а бытийный.

После изгнания с завода Воцев попадает в другой город, на строительство котлована: «...через год весь местный класс пролетариата выйдет из мелкоимущественного города и займет для жизни монументальный новый дом». А через 10—20 лет должна возникнуть «в середине мира башня, куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всей земли»; в этих строках сквозь толщу конкретно-социального прорывается мифологическая стихия.

На стройке трудится артель землекопов — около двадцати человек, молчаливых, изможденных и «худых, как умершие». Их вымученный энтузиазм граничит с крайней усталостью, апатией; «смирившись общим утомлением», артель засыпает, как живет, в одежде, чтобы не трудиться над расстегиванием пуговиц, а хранить силы для производства. Едят мастеровые «в тишине, не глядя друг на друга», автоматически, «не признавая за пищей цены».

Среди героев — землекопы Чиклин, Сафронов, Козлов, инженер Прушевский, безногий инвалид Жачев. Рытье котлована контролирует Пашкин, председатель окрпрофсовета; он постоянно подгоняет рабочих: «Темп тих!»

В забытом помещении неработающего кафельного завода Чиклин обнаруживает умирающую женщину. Это дочь бывшего владельца завода; перед смертью она завещает своей дочери Насте никому не открывать, что ее мать была «буржуйкой». Чиклин забирает Настю с собой, она становится всеобщей любимицей.

В композиционном отношении повествование делится на две части: городскую, или, точнее, «котлованную», и деревенскую. Сюжетное пространство деревни обнаруживает себя внезапно и зловеще: на стройку приходят два мужика — они забирают гробы, заготовленные крестьянами для себя впрок и спрятанные в овраге, где роют котлован. Вслед за мужиками уходит Воцев, довольный тем, что он «больше не участник безумных

обстоятельств».

Артель отряжает для помощи колхозу Сафронова и Козлова, но скоро становится известно, что они убиты. Их заменяют Чиклин и Вошев, позже к ним присоединяются остальные герои. В деревне действует «активист общественных работ по выполнению государственных постановлений», загоняющий бедняков и середняков в колхоз имени Генеральной Линии. С помощью Чиклина и «остаточного батрака» района, медведя-молотобойца, проходит раскулачивание. Тех, кого сочли кулаками, отправляют в «далекую тишину» «посредством сплава на плоту». Активист ждет одобрения и новых указаний. Приходит директива, в которой актив колхоза обвиняется «в забегании в левацкое болото правого оппортунизма», а сам активист объявляется «вредителем партии». Чиклин убивает его.

Рабочие вместе с Настей возвращаются на строительство. Девочка заболевает и умирает. На стройку приходит весь колхоз: «Мужики в пролетариат хотят зачислиться».

Чиклин хоронит Настю в основании котлована.

Название повести и время ее создания у приступающего к чтению вызывают ассоциации с эпохой первых пятилеток. Шло активное строительство (за счет ресурсов, выкачивавшихся из деревни), газеты постоянно помещали фотографии возводимых предприятий, электростанций, жилых домов и котлованов для них. «Строительство» становится ключевым понятием, знаком эпохи, в язык входят выражения «партийное строительство», «фронт социалистического строительства», «строительство личности» и т. д. Тему преобразований в различных областях жизни осваивают в те годы Л. Леонов, В. Катаев, М. Шагинян, А. Макаренко, И. Эренбург. Характерны названия «производственных» романов, посвященных индустриализации: «Доменная печь», «Гидроцентральный», «Время, вперед!». Создание нового мира показано в них как процесс, требующий колоссальных напряжений сил, но при этом общая атмосфера остается радостной, творческой, оптимистичной. Платонов видит это время иначе. На последней странице рукописи повести указаны даты: декабрь 29 г.— апрель 30 г. Естественно понимать их как обозначение времени начала и окончания работы, но в то же время эти даты совпадают с границами исторического промежутка, в котором проходит действие повести. В реальной жизни этот период отмечен, с одной стороны, речью И. Сталина «К вопросам аграрной политики в СССР» (декабрь 1929 г.) - о необходимости «сломишь кулачество и ликвидировать его как класс»; с другой стороны, циничными статьями вождя в «Правде»: «Головокружение от успехов» (март 1930 г.) и «Ответ товарищам колхозникам» (апрель 1930 г.) — в них насильственные меры по созданию колхозов, борьба с середняком, «скоропалительные темпы» коллективизации названы «головотяпством», «забеганием вперед», «искривлением партийной линии»; ответственность за эти «ошибки» возлагалась на местных руководителей. Социально-политическая ситуация в стране отражается в тексте настолько точно, что он может рассматриваться как исторический документ.

В директиве, полученной активистом из области, откровенно пародируется речь Сталина: «...отмечались явления перегибщины, забеговщины, переусердщины и всякого сползания по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии». Таких сцен, где можно обнаружить своеобразный «диалог» Платонова со Сталиным, в повести несколько.

Призыв Пашкина «начать классовую борьбу против деревенских пней капитализма» и «бросить (туда) что-нибудь особенное из рабочего класса» связан с решениями Пленума ЦК (ноябрь 1929 г.) о мобилизации 25 тысяч пролетариев на постоянную работу в колхозы. Ребенок, возвращая твердую невкусную конфету, заявляет активисту: «Сам доедай, у ней в середине вареньев нету: это сплошная коллективизация, нам радости мало!» Обыгрывая лозунг партии, который вошел в обиходную речь в 1929—1930 гг., Платонов употребляет слово «сплошной» во всевозможных сочетаниях: сплошной народ, сплошная каменистая конфета, сплошная тишина.

Историческая точность повествования состоит не столько в отражении конкретных событий и реалий жизни «года великого перелома», сколько в передаче особенностей мифологизированного, утопического сознания устроителей земного рая. Землекопы убеждены, что социализм — рядом и его приближение зависит только от их упорного труда. Ради ребенка, «будущего радостного предмета», они начинают работу на час раньше, «чтобы «как можно внезапней построить котлован», — совсем как в Чевенгуре, где такие же мечтатели твердо знают: «Еще рожь не поспеет, а социализм будет готов!» Слово таких героев «преданалитично», оно «стенографирует самое первое впечатление человека о мире», ибо мышление «массового человека» интуитивно, ограничено несвязными чувственными восприятиями. Такой тип мышления характерен для персонажа, центрального в группе рабочих, — Никиты Чиклина, напоминающего Чепурного своей способностью к сочувствию, доброму, заботливого к товарищам, Насте, но беспощадного к врагам. «Думать он мог с трудом, и сильно тужил об этом — поневоле ему приходилось лишь чувствовать и безмолвно волноваться».

Среди мастеровых выделяется «сознательный» социалист, «наиболее активный» — Сафронов, стремящийся соответствовать «благополучной линии» и идеологическим установкам. Он чувствует себя выше «серой массы» и осуждает «людскую некультурную унылость». Его речь — один из каналов, через который в повесть входит изощренно-косноязычная стихия официальных речений, директив. Вот он просит инвалида Жачева: «...доставь нам на своем транспорте эту жалобную девочку, мы от ее мелодичного вида начнем более согласованно жить». Для такой речи характерно смешение стилей — канцелярского, газетного, просторечного, ненормативное употребление синтаксических моделей, искусственность словаря, неточное понимание значения слов. Сафронов постоянно «делает» свое лицо («активно мыслящее»), голос («вящий», «нравоучительный», «верховный голос могущества»), походку (то «интеллигентную», то «легкую руководящую»). В его поведении все кажется искусственным, механическим, нарочитым. Но и он переживает минуты печали и сомнений; «Если глядеть лишь по низу в сухую мелочь почвы и в травы... то в жизни не было надежды...

— А отчего, Никит, поле так скучно лежит? Неужели внутри всего света тоска, а только в нас одних пятилетний план?»

То, что М. Горький писал Платонову о своем понимании «Чевенгура» — «вы придали освещению действительности характер лирико-сатирический», — во многом можно отнести и к «Котловану», к способу изображения персонажей.

В ироническом ключе обрисован самый плохой на котловане работник Козлов. Это

приспособленец, он уходит со стройки по болезни, но возвращается уже как общественный деятель — в серой тройке, пополневший, уверенный. Он читает книги, чтобы запомнить «формулировки, лозунги, стихи, заветы, всякие слова мудрости, тезисы различных актов, резолюции, строфы песен и прочее» и затем пугать «и так уже напуганных служащих своей научностью, кругозором и подкованностью». Каждое свое выступление перед трудящимися он начинает «некими самодовлеющими словами»: «Ну хорошо, ну прекрасно». Ликвидировав «как чувство» любовь «к одной средней даме», посылает ей «последнюю итоговую открытку: „Где раньше стол был яств, Теперь там гроб стоит“». Среди новых землекопов, прибывших на строительство, уже нет энтузиастов, каждый «придумал себе идею будущего спасения» с котлована. И есть те, которые готовятся повторить путь Козлова, «пройти в партию и скрыться в руководящем аппарате».

Рытье котлована контролирует Пашкин, председатель окрпрофсовета; он постоянно подгоняет рабочих: «Темп тих!» Для характеристики этого персонажа используются приемы сатиры и гротеска. Пашкин живет «в основательном доме из кирпича», так как озабочен тем, чтобы «невозможно было сгореть»; он укрепляет свое здоровье и «научно хранит свое тело». В этой фигуре зафиксированы черты нового слоя — советской бюрократии, наиболее беспринципного и ловкого. Блестящая сцена разговора Пашкина с женой войдет в коллекцию разоблачительных «супружеских» сцен в русской литературе (вспомните диалоги четы Горичей, Маниловых): «Жена Пашкина умела думать от скуки: „Знаешь что, Левочка?.. Ты бы организовал как-нибудь этого Жачева, а потом взял и передвинул его на должность... Ведь каждому человеку нужно иметь хоть маленькое господствующее значение...“ — „Ольгуша, лягушечка, ведь ты гигантски чуешь массы! Дай я к тебе за это приорганизуюсь“ ».

С инженером Прушевским связана в повести тема интеллигенции и революции. Автор проекта общепролетарского дома и производитель работ, он тем не менее ближе к рабочим, с ним так же не считаются. В отличие от землекопов, он осознаёт свое положение («мною пользуются, но никто не рад»), чувствует себя выброшенным из жизни, постоянно испытывает тоску и думает о смерти. Будущее кажется ему пустым и чуждым.

Чиклин приводит на стройку Настю, дочь умершей буржуйки; девочка становится всеобщей любимицей. Детского, естественного в ней мало; она помнит завет матери — скрывать свое происхождение: «...знала, что присутствует в пролетариате, и сторожила сама себя». Настя уклоняется от ответа на вопрос о родителях и предусмотрительно спешит сообщить: «а я знаю, кто главный... Главный — Сталин, а второй — Буденный». Казалось бы, Настя быстро и легко учится оценивать людей по принятым здесь классовым нормам: «Умирать должны одни буржуи», «Убей их пойдя» (о кулаках); становится безжалостной: «Они все равно умерли, зачем им гробы?» Но слушая объяснения о ликвидации целого класса, не может не спросить: «А с кем останетесь?» И быстро утомляется, тоскует от этих разговоров: «Мне у вас стало скучно».

В деревне действует «активист общественных работ по выполнению государственных постановлений», загоняющий бедняков и середняков в колхоз имени Генеральной Линии. Его роль страшна — он вдохновенный исполнитель жестокой воли Центра. У активиста нет имени, это обобщенный образ партийного деятеля, черты его заострены и даны гротескно.

Активист не знает сострадания к людям, сильные чувства он испытывает только к казенным бумагам. При непогашенной лампе ночами он ждет, не прискачет ли верховой из района; каждую новую бумагу читает «с любопытством будущего наслаждения», плачет над ней, любясь подписями и штемпелями, а потом «с жадностью» докладывает об исполнении. При всей искренности переживаний активист не совсем бескорыстен: он «не хотел быть членом общего сиротства», ибо лучше «уже сейчас быть подручным авангарда и немедленно иметь всю пользу будущего времени». Деятельность его сеет семена подозрительности, страха, лицемерия. Лишенный прихода, униженный поп не хочет больше жить, так как «остался без Бога, а Бог без человека». В поминальный листок он заносит теперь тех, кто еще заходит в церковь поставить свечу, а по ночам сообщает эти имена активисту. Даже «горе горевать в остатнюю ночь» крестьяне не смеют без дозволения этого главного человека деревни.

Убийства Сафронова и Козлова открывают цепь смертей, которые происходят легко, как бы «нечаянно», ни у кого не вызывают сожалений. Активист радуется еще одной, «случайной» смерти: «И правильно: в районе мне не поверят, чтоб был один убивец, а двое — это уж вполне кулацкий класс и организация». Смерть становится рядовым явлением.

Вокруг активиста царит атмосфера абсурда. Так, он проводит «сквозной допрос» в поисках человека, съевшего петуха (о последнем молчит, так как съел его сам). О мертвце, оказавшемся рядом с Сафроновым и Козловым, сообщает, что тот «сам пришел сюда, лег на стол между покойными и лично умер».

С этим безумием резко контрастирует поведение мужиков. Вот как прощаются они друг с другом накануне вступления в колхоз: «Каждый начал целоваться со всею очередью людей, обнимая чужое доселе тело, и все уста грустно и дружелюбно целовали каждого. ... - Прощай, Егор, — жили мы люто, а кончаемся по совести. После целования люди поклонились в землю — каждый всем». Перед лицом новой жизни, равной для них смерти, простой человек вспоминает о вечных, христианских законах. Ненависти и вражде противостоит любовно-родственная связь с ближним.

С помощью Чиклина и «остаточного батрака» района, медведя-молотобойца — за эту сцену Платонова называли первым серьезным сюрреалистом в русской литературе — проходит раскулачивание. Выброшенный из дома в снег зажиточный мужик пророчествует: «Ликвидировали?!.. Смотрите, нынче меня нету, а завтра вас не будет. Так и выйдет, что в социализм придет один ваш главный человек!» Голос остается неслышанным и ничего не может изменить. Тех, кого сочли кулаками, отправляют «в далекую тишину» «посредством сплава на плоту». Активист ждет одобрения и новых указаний. Приходит директива, в которой верхушка колхоза обвиняется «в забегании в левацкое болото правого оппортунизма», а сам активист объявляется «вредителем партии». Впервые фанатик утопии задумывается над собственной судьбой: «Разве он видел — радость в последнее время, разве он ел или спал вдосталь, или любил хоть одну бедняцкую девицу?» Финал его жизни закономерен: Чиклин убивает «паразита» при полном равнодушии колхоза.

Рабочие вместе с заболевшей Настей возвращаются на оставленное строительство. Перед смертью Настя просит Чиклина принести ей «мертвые кости» матери, целует и обнимает

их и вскоре умирает. Смерть девочки с именем Анастасия ("воскресшая"), которая была для строителей живым социалистическим элементом и давала надежду, тепло, энергию жизни труда, становится символом краха новой социальной утопии.

Смысл названия произведения и всей повести по мере прочтения наполняется все более сложным, трагическим содержанием. Котлован, вырытый под фундамент грандиозного здания, становится не началом счастливого царства, а приговором социальному эксперименту, пропастью, в которой похоронены мечты, настоящее и будущее. Рытью ямы нет конца (она будет «еще шире и глубже») — это символ коллективного самоуничтожения, самоистребления. Здесь не только скептическое отношение автора к революционным преобразованиям, но и горькие размышления о превышении человеком своих физических и духовных возможностей. Это метафизическая тоска от «неопределенности места и роли человеку в мироустройстве», от «тщеты усилий обрести гармонию».

«Котлован» — философское произведение, здесь сказалось пристальное внимание писателя к онтологическим вопросам: природе бытия, статуса живого, духовного существа в материальном мире и в мире природы. Общепролетарский дом должен не только вместить угнетенных людей, но и стать убежищем от разрушающего влияния мира, сохранить смысл «общего и отдельного существования». С особой силой эти проблемы раскрываются в картинах природы, в сквозных мотивах умирания и смерти, скуки и сиротства. Решение этих вопросов связано с образом главного героя повести Вощева; он композиционный и идейный стержень произведения.

Воцев — уже известный нам тип «сокровенного человека», усомнившегося в насильственно предлагаемых рецептах счастья. С другими платоновскими героями его роднит дух скитания. Так же как «душевный бедняк» из повести «Впрок», он измучен заботой за всеобщую действительность; он не имеет в душе «основной золотой миллиард, нашу идеологию» — это человек с открытой, незамутненной душой. Воцева не устраивает правда исторического момента, он согласен терпеть только ради приближения к высшей, «конечной» истине. Без высшего смысла у него «тело слабеет» и «скачет» голова. «Воцевская» линия в повести — линия сомнения и поиска — ведущая, постепенно она захватывает и других героев, первоначально «верующих».

Воцев — наиболее «авторский», концептуальный персонаж, во многом через него вводятся в повесть идеи Федорова. Этот герой поглощен высшей задачей — противостоянием забвению, смерти, упадку (энтропии). Он движется по пространству истории со своим вещевым мешком (возможно, отсюда его фамилия; по другой версии, она образована от «вотще» — идея тщеты); в него он собирает разные мелкие предметы, «забвенные пустяки», содержащие частицу сущности умерших. Странная деятельность Воцева противостоит строительству общепролетарского дома, открывает иной тип культурных ориентиров, напоминает о вечных нравственных ценностях. Роль образа Воцева значительна. Он призывает к восстановлению нарушенного идеального порядка жизни и духа, продолжая традиционное для русской классической литературы XIX века направление.

Источник: Русская литература XX века: Пособие для старшеклассников, абитуриентов и студентов / Под ред. Т.Н. Нагайцевой. - СПб.: "Нева", 1998

